

Бойкова Анна Викторовна

Тверской государственный технический университет

Волкова Светлана Николаевна

Тверской государственный технический университет

Международный опыт отдельных стран адаптации к санкциям

Аннотация. Статья посвящена анализу адаптационных механизмов, разработанных государствами для противодействия экономическим санкциям. На примере Ирана, Китая и Северной Кореи авторы исследуют стратегии, которые позволяют этим странам сохранять экономическую и политическую устойчивость в условиях внешнего давления. Иранская модель основана на создании параллельных финансовых институтов и использовании альтернативных расчётных систем, таких как криптовалюты. Китай демонстрирует эффективность симметричного ответа, включая контрмеры в торговой и инвестиционной сферах. Северная Корея, несмотря на жёсткую изоляцию, развивает теневую экономику, стратегические вооружения и альтернативные каналы международного взаимодействия, включая интернет-торговлю и криптовалютные операции.

Авторы приходят к выводу, что санкции стимулируют развитие адаптационных механизмов, а их эффективность снижается по мере формирования альтернативных систем. Политическая стабильность может сохраняться даже при значительном экономическом давлении, а страны вырабатывают уникальные комбинации мер, соответствующие их геополитическому положению и ресурсной базе. Статья подчёркивает, что современные санкционные режимы часто не достигают своих первоначальных целей, вместо этого способствуя консолидации внутри стран-объектов санкций и развитию инновационных способов противодействия.

Ключевые слова: экономические санкции, адаптационные механизмы, симметричный ответ, теневые экономики, санкции

Boykova Anna Viktorovna

Tver State Technical University

Volkova Svetlana Nikolaevna

Tver State Technical University

International experience of individual countries in adapting to sanctions

Abstract. The article analyzes the adaptation mechanisms developed by states to counter economic sanctions. Using the examples of Iran, China, and North Korea, the authors examine the strategies that allow these countries to maintain economic and political stability in the face of external pressure. The Iranian model is based on the creation of parallel financial institutions and the use of alternative settlement systems, such as cryptocurrencies. China demonstrates the effectiveness of a symmetrical response, including countermeasures in the trade and investment spheres. North Korea, despite strict isolation, is developing a shadow economy, strategic weapons, and alternative channels of international interaction, including online trade and cryptocurrency transactions. The authors conclude that sanctions stimulate the development of adaptation mechanisms, and their effectiveness decreases as alternative systems are formed. Political stability can be maintained even under significant economic pressure, and countries develop unique combinations of measures that correspond to their geopolitical position and resource base. The article highlights that modern sanctions regimes often fail to achieve their

original goals, instead promoting consolidation within target countries and the development of innovative countermeasures.

Keywords: economic sanctions, adaptation mechanisms, symmetrical response, shadow economies, sanctions

Современный этап международных отношений характеризуется интенсификацией применения экономических санкций как средства политического воздействия. В свете текущей геополитической ситуации особую значимость приобретает изучение адаптационных механизмов к санкционному давлению, что особенно наглядно демонстрирует российский случай. При этом ценными для анализа представляются модели государств, которые в условиях продолжительных ограничительных мер сумели выработать эффективные стратегии экономической резильентности, сохранив при этом независимость внешнеполитического курса и устойчивость внутривнутриполитической системы.

На данный момент в литературе отсутствует единый подход к понятию «санкции», «международные санкции», «экономические санкции».

В соответствии с исследованием американского политолога Д. Дрезнера «санкции являются институтом принуждения, при этом слабым и неэффективным, зачастую причиняя государству-инициатору санкций больше вреда, чем подсанкционной стране» [13].

Согласно точке зрения Х. Келера, «санкции – это принудительные меры принимаемые одним государством или группой государств против другого государства, при этом они являются законными, только когда деяния подсанкционного государства представляют угрозу национальной безопасности или в качестве контрмеры против международных противоправных действий государства» [14].

Согласно определению С. В. Гландина «современные экономические санкции представляют собой запрет на вступление или продолжение финансово-экономических отношений с участниками определенного «черного списка»» [4].

Несмотря на то, что в рамках данной статьи упор сделан на экономические санкции, они затрагивают все стороны жизнедеятельности общества и могут различные последствия [2]:

экономические последствия выражаются в снижении ВВП, росте инфляции, девальвации национальной валюты, увеличении безработицы, дефиците товаров и услуг;

социальные последствия выражаются в снижении уровня жизни, увеличении индекса бедности, ухудшении доступа к здравоохранению и образованию, усилении социальной напряженности, росте преступности;

политические последствия выражаются в ослаблении или, напротив, укреплении действующего режима в стране-цели, изменении политического курса, усилении оппозиции;

гуманитарные последствия выражаются в ограничении доступа к гуманитарной помощи, ухудшении продовольственной безопасности, росте заболеваемости и смертности.

Историческая практика демонстрирует, что результаты санкционного давления часто расходятся с первоначальными прогнозами, оказываясь менее значительными и более противоречивыми, чем предполагалось.

Для выработки комплексного понимания данной проблемы целесообразно проанализировать адаптационные механизмы, разработанные различными государствами в условиях ограничительных мер. Особую ценность представляет изучение стратегий стран, которые на протяжении длительного периода успешно противостоят санкционному режиму.

В данном контексте заслуживает внимания опыт трех государств:

- Иран, столкнувшийся с многолетними многосторонними ограничениями.
- Китай, выработавший эффективные механизмы противодействия.

- Северная Корея, существующая в условиях жестких международных санкций.

Анализ их адаптационных стратегий позволяет выявить ключевые принципы устойчивости к внешнему экономическому давлению.

Иранский опыт противостояния санкционному режиму насчитывает более четырех десятилетий, начиная с 1979 года. За этот период страна столкнулась с многоуровневой системой ограничений, включавшей:

а) финансовые ограничения:

- блокировку зарубежных активов;
- исключение из международной платежной системы SWIFT (2012-2016 гг.);
- ограничения на инвестиционную деятельность;

б) торговые барьеры:

- эмбарго на ключевые товарные группы;
- ограничения нефтяного экспорта.

Наиболее жесткие меры приходятся на 2011-2012 года, когда санкции коснулись Центрального банка и привели к финансовой изоляции страны. Частичное смягчение наступило в 2015 году после заключения Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Однако, в 2018 году США в одностороннем порядке вышли из соглашения, восстановив и ужесточив ограничительные меры.

Эффективность санкций оказалась неоднозначной. С одной стороны, произошло замедление ядерной программы; существенно сократился нефтяной экспорт. При этом не произошло ожидаемых политических изменений.

С 2021 года ведутся переговоры о возобновлении СВПД, однако пока дипломатические усилия не принесли результатов, и санкционный режим продолжает действовать в полном объеме, охватывая ключевые сектора экономики – от энергетики до автомобильной промышленности [7].

Высокая инфляция продолжает оставаться основным фактором, негативно влияющим на экономику. Фактически, за последние семь лет среднегодовая инфляция превысила 30% – беспрецедентный показатель в истории Ирана. Такой уровень инфляции серьезно подрывает экономический потенциал и оказывает давление на всех участников экономической деятельности. Эксперты сходятся во мнении, что банки страдают не только от инфляции, но и от неэффективного управления, что негативно сказывается на многих предприятиях и необходимых инвестициях [12].

Ещё одним серьёзным источником нестабильности стали постоянные перебои с электроэнергией, вызванные недостатком инвестиций в различные подсекторы, связанные с энергетикой. По данным Торгово-промышленной, горнодобывающей и сельскохозяйственной палаты Ирана, экономические потери, вызванные перебоями в производстве, передаче и распределении электроэнергии, составляют 224 миллиона долларов в день. Если ситуация сохранится, в следующем году потери составят 80 миллиардов долларов (20% ВВП) [12].

Основные причины экономического кризиса в Иране в последние несколько лет носят как внутренний (коррупция, неэффективное управление, дефицит бюджета, отсутствие инвестиций и неэффективная политика), так и внешний (главным образом санкции) характер.

Для того чтобы направить иранскую экономику на путь оздоровления, необходимо провести следующие преобразования:

- 1) инициирование дипломатического взаимодействия с западными правительствами для снятия санкций;
- 2) проведение реформ существующих субсидий на топливо;
- 3) устранение барьеров, затрудняющих постепенный переход к цифровой экономике.

В ответ на санкционное давление Иран разработал многогранную стратегию противодействия. Правительство страны легализовало использование криптовалют,

признав потенциал майнинга для пополнения бюджета и обхода ограничений. Кроме того, Иран активно развивает собственную финтех-индустрию и мобильные приложения для финансовых операций. Создание аналогов международных сервисов, таких как маркетплейсы и социальные сети, а также поощрение инвестиций в национальные ценные бумаги стимулируют внутреннюю экономическую активность [7].

Эти меры, хотя и не способны полностью нивелировать негативные последствия санкций, позволили Ирану частично обойти ограничения и адаптироваться к сложным экономическим условиям, обеспечив финансовую устойчивость и поддержку внутреннего рынка [7].

Более трёх десятилетий назад западные страны ввели против Китая экономические санкции, однако вместо ожидаемого ослабления они дали обратный эффект – стали мощным стимулом для развития. Сегодня Поднебесная прочно удерживает второе место в мировой экономике, а по ряду ключевых показателей и вовсе вышла в лидеры. Как отмечают китайские эксперты, именно внешнее давление стало тем фактором, который сплотил нацию и ускорил технологический прорыв [1].

Китайская Народная Республика (КНР) выработала уникальный механизм реагирования на санкционные вызовы – принцип симметричного ответа, так называемая стратегия «зеркального» ответа. Его суть заключается в:

- введении аналогичных ограничительных мер против инициаторов санкций;
- установлении встречных барьеров в торговой и инвестиционной сферах;
- применении точечных экономических контрмер.

Такой подход преследует три ключевые цели:

- компенсацию экономического ущерба;
- демонстрацию готовности защищать национальные интересы;
- формирование сдерживающего фактора для потенциальных инициаторов новых ограничений

На практике это реализуется посредством введения ответных тарифных барьеров, ограничения рыночного доступа для компаний из стран-инициаторов санкций, применение других форм адресного экономического давления.

Данная стратегия доказала свою эффективность, превратив Китай из объекта санкционного давления в одного из ключевых игроков мировой экономики [3].

Усиление экономических позиций Китая на мировой арене и его растущая доля в международной торговле предоставляют Пекину новые рычаги воздействия на другие страны. Уже в начале 2000-х первые попытки КНР использовать экономические меры давления привлекли внимание мирового сообщества, несмотря на то, что китайское руководство неоднократно заявляло о своём отрицательном отношении к санкциям как инструменту политики.

На начальном этапе китайские санкции носят преимущественно символический характер и включают:

- замораживание двусторонних торговых переговоров;
- перенос или отмену запланированных дипломатических визитов;
- приостановку реализации совместных проектов.

При дальнейшей эскалации конфликта применяются более ощутимые меры:

- введение ограничений на товарооборот;
- приостановка кредитных линий;
- ограничения в туристической сфере;
- усиленный контроль над предприятиями страны-нарушителя со стороны налоговых, санитарных и надзорных органов

Аналитики отмечают, что Китай последовательно расширяет практику использования односторонних экономических санкций. С учётом устойчивого роста экономического потенциала КНР можно прогнозировать увеличение частоты и масштабов подобных мер в будущем [3].

Китайские ограничительные меры, как правило, представляют собой ответ на действия, которые Пекин расценивает как угрозу своим «фундаментальным интересам». В официальной трактовке к ним относятся:

- государственный суверенитет;
- стабильность политической системы;
- территориальная целостность;
- национальная безопасность;
- ключевые экономические интересы.

Несмотря на жёсткую риторику в адрес таких экономических гигантов, как США и Япония, Китай демонстрирует сдержанность в практическом применении санкционных мер, предпочитая сохранять их как инструмент стратегического сдерживания [3].

В рамках данной статьи особый интерес представляет опыт Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), которая представляет собой уникальный пример государства, сумевшего адаптироваться к экстремальным санкционным условиям. Изучение северокорейских механизмов противодействия позволяет выявить альтернативные модели экономической резильентности [8].

Введение жестких ограничительных мер в 2017 году существенно трансформировало экономический ландшафт КНДР:

- экспортный потенциал сократился на 90% из-за запрета на основные статьи товарооборота;
- финансовая блокада осложнила проведение международных расчетов;
- введен запрет на использование северокорейской рабочей силы в странах-членах ООН;
- требовалась репатриация уже работавших за рубежом граждан [8].

Хотя экономические последствия санкций для Северной Кореи очевидны, режим демонстрирует удивительную устойчивость, отказываясь от компромиссов с западными странами и продолжая развитие ядерного потенциала. Как отмечают эксперты Brookings Institute в программе «Dollar & Sense», финансовые механизмы КНДР остаются стабильными, обеспечивая жизнеспособность политической системы (Dollar, Keatinge, 2020). Это ставит под сомнение результативность санкций как инструмента политического влияния [8].

Даже на фоне ужесточения ограничений со стороны ООН и США в 2022 году в ядерном центре Йонбён продолжались работы по производству делящихся материалов. 8 сентября 2022 года был принят закон, официально закрепивший статус КНДР как ядерной державы. Документ детально регламентирует условия применения ядерного оружия; организационную структуру ядерных сил; систему управления и контроля [8].

В условиях энергетического кризиса, вызванного санкциями, Северная Корея:

- активизировала строительство легководного реактора;
- продолжает эксплуатацию экспериментальной АЭС (5 МВт) в Йонбёне;
- развивает производство тепловыделяющих элементов [8].

Эти меры позволяют частично компенсировать дефицит энергоресурсов и снизить зависимость от импорта нефтепродуктов.

КНДР использует стратегию повышения квалификации своих специалистов путём обучения в западных университетах и последующей стажировки в научных лабораториях. Согласно данным экспертов Совета Безопасности ООН (СБ ООН), граждане КНДР получали докторские степени в европейских странах (например, в Швеции и Германии) и устраивались на работу в исследовательские учреждения. Также фиксируются факты совместных публикаций и реализации научных проектов с участием учёных из КНДР и западных стран. Подобные действия трактуются как нарушение режима санкций, что, по сути, приводит к расширению сферы санкционного давления вплоть до запрета на проведение КНДР любых научных исследований [6].

Если рассмотреть динамику темпов прироста ВВП КНДР, то можно отметить, что наиболее трудными для экономики страны стали 2015 и 2017–2018 гг., когда спад ВВП был обусловлен одновременным сокращением промышленности, сельского хозяйства и строительства [8]

Даже учитывая, что данные показатели являются оценочными, можно сделать вывод, что санкции не оказали существенного воздействия на структуру ВВП страны, в частности, не снизили долю отраслей, которые следует считать работающими на реализацию ракетно-ядерного проекта (промышленность и строительство, а также распределение электроэнергии), что и ставилось целью вводимых СБ ООН ограничений.

В 2022 году экспорт КНДР составил 311,5 млн. долларов. США, а импорт составил 911 млн. долл. США, превысив показатели предыдущих лет, что в основном обусловлено расширением торговли с Китаем, на долю которого приходится 96% внешней торговли КНДР [8]

КНДР использует интернет-торговлю для экспорта вооружений, включая радиосвязь и радиолокационные станции, через компанию «Глоком», при этом номенклатура товаров динамично расширяется. Основным покупателем является Эфиопия. Также имеются данные о поставках стрелкового оружия и лёгкой военной техники в другие страны.

По оценкам Республики Корея, северокорейские хакеры с 2017 года присвоили виртуальных активов на сумму около 1,2 млрд. долларов. США. Для легализации криптовалюты используются компании-миксеры, такие как «Blender» и «Tornado Cash», которые попали под санкции США за сотрудничество с северокорейскими хакерами.

Криптовалютные биржи используются для хранения средств, предположительно, для обслуживания торговых операций в обход санкций. Невзаимозаменяемые токены (NFT) рассматриваются как перспективный инструмент для криптовалютных операций [6].

Таким образом, проведенное исследование позволяет выделить различные модели адаптации государств к санкционным режимам. Каждая из рассмотренных стран – Иран, Китай и КНДР – разработала уникальный комплекс мер, отражающий ее специфические условия и возможности.

1. Иранская модель характеризуется:
 - гибкой перестройкой экономических механизмов;
 - созданием параллельных финансовых институтов;
 - активным использованием альтернативных расчетных систем
2. Китайский подход демонстрирует:
 - применение политико-экономических контрмер;
 - реализацию принципа симметричного реагирования;
 - использование экономического веса как инструмента давления.
3. Северокорейская стратегия включает:
 - ускоренное развитие стратегических вооружений;
 - теневое экономическое взаимодействие;
 - интенсивную подготовку специализированных кадров;
 - максимальную автаркию в условиях изоляции.

Все рассмотренные государства проявляют:

- способность к быстрой институциональной адаптации;
- готовность к радикальным экономическим преобразованиям;
- умение использовать санкции для внутренней консолидации;
- развитие альтернативных механизмов международного взаимодействия.

Таким образом, санкции стимулируют развитие адаптационных механизмов; эффективность ограничений снижается по мере формирования альтернативных систем; политическая стабильность может сохраняться даже при значительном экономическом

давлении; страны вырабатывают уникальные комбинации мер, соответствующие их геополитическому положению и ресурсной базе.

Данный анализ подтверждает, что современные санкционные режимы, вопреки ожиданиям их инициаторов, часто приводят не к изменению политического курса, а к формированию сложных систем противодействия, сочетающих экономические, политические и технологические компоненты.

Список источников

1. Андрюхин А. Прыжок дракона: как Китай справился с западными санкциями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravda-nn.ru/articles/pryzhok-drakona-kak-kitaj-spravilsya-s-zapadnymi-sanktsiyami/> – Загл. с экрана. – Яз.рус. (дата обращения: 07.04.2025)
2. Дмитриева Н. И. Экономические санкции как инструмент политического давления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 52. – С. 120-143.
3. Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. – 2020. – Т.11. №2. – С. 123-138.
4. Наша санкционная политика и правоприменение находятся в начале своего развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/discussion/2022/07/05/nasha_sankcionnaya_politika_i_pravoprimerenie_nahod_yatsya_v_nachale_svoego_razvitiya_intervyu_s_ser. – Загл. с экрана. – Яз.рус. (дата обращения: 01.07.2025)
5. Политика санкций: понятие, институты, практика: учебно-методические материалы № 11. 2024. [И.Н. Тимофеев, О.С. Рождественская, Т.С. Соколова, П.И. Чуприянова; под ред. И.Н. Тимофеева, С.М. Гавриловой, П.И. Чуприяновой, Д.О. Растегаева]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2024 – 96 с.
6. Санкции как меры международного принуждения: основные виды и теоретические подходы к понятию / Е. П. Гармашова, А. М. Дребот, А. Г. Баранов [и др.] // Экономические отношения. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 649-662.
7. Сафиуллин М. Р., Ельшин Л.А., Савеличев М.В. Теория санкций и опыт преодоления санкционного режима (на примере КНДР) // Экономические отношения. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 537-558.
8. Смородинская Н. В., Катуков Д.Д. Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 6. – С.26-42.
9. Толорая Г. Д., Коргун И.А., Горбачева В.О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://inecon.org/docs/2020/files/Toloraya_paper_2020.pdf – Загл. с экрана. – Яз.рус. (дата обращения: 06.07.2025)
10. Худокормов Г. А. Технологическое развитие под санкционным прессингом: кейс Ирана // Теоретическая и прикладная экономика. – 2023. – № 3. – С. 41-53.
11. ЭКОНС. Иран: жизнь под санкциями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://econs.online/articles/ekonomika/iran-zhizn-pod-sanktsiyami/> – Загл. с экрана. – Яз.рус. (дата обращения: 06.07.2025)
12. Approaching the precipice: Near-term prospects of Iran's economy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.clingendael.org/publication/approaching-precipice-near-term-prospects-irans-economy> – Загл. с экрана. – Яз.рус. (дата обращения: 15.07.2025)
13. Drezner D. The Hidden Hand of Economic Coercion. International Organization. 2003. Vol. 57. Pp. 643–659

14. Koehler H. Sanctions and international law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.academia.edu>– Загл. с экрана. – Яз.рус. (дата обращения: 06.07.2025)

Сведения об авторах

Бойкова Анна Викторовна, доцент, Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия.

Волкова Светлана Николаевна, старший преподаватель, Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия

Information about the authors

Boykova Anna Viktorovna, Associate Professor, Tver State Technical University, Tver, Russia.

Volkova Svetlana Nikolaevna, senior teacher, Tver State Technical University, Tver, Russia